

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Военные преступления в международном гуманитарном праве (из истории науки)

*Красов С.И.**

Институт международной уголовной ответственности индивидов прошел длительный и сложный путь развития. Первоначально разработка вопросов персональной ответственности конкретных лиц за нарушение норм международного гуманитарного права находилась на стадии исключительно научного исследования в рамках международного права, которое признавало войну допустимым средством решения межгосударственных споров. Основное внимание в доктрине международной уголовной ответственности уделялось персональной ответственности индивидов, виновных в совершении военных преступлений.

В международно-правовой литературе существует мнение, согласно которому основоположником концепций международной ответственности индивидов является Г. Гроций. Так, например, болгарский юрист В. Кутиков пишет: «Под влиянием правовых представлений своего времени он вообще не задавал себе вопроса – не является ли возможным поставить вопрос о международно-правовой ответственности конкретного совершителя правонарушения. Г. Гроций ставил себе единственной задачей определить в отдельных конкретных случаях, каковы необходимые предпосылки для порождения международно-правовой ответственности государства или общества... Г. Гроций дает более чем на два века вперед то направление, в котором доктрина будет

* Красов Сергей Иванович – к.ю.н., Самарский государственный университет.

рассматривать проблему международно-правовой ответственности»¹. Но у Кутикова имеется и ошибочное, на наш взгляд, суждение о том, что Г. Гроций является автором теоретической конструкции, в которой прямой (непосредственный) совершитель основного посягательства полностью исчезает с международной арены. Объективный научный анализ теоретического наследия Г. Гроция позволяет нам сделать вывод, что вряд ли можно настолько категорично объявлять его основоположником такой концепции.

В своем трактате «О праве войны и мира» Гроций писал: «В соответствии с тем, что нами вообще выяснено, зачинщики войны обязаны к возмещению за содеянное их силами или по их совету. Они ответственны за то, чем обычно сопровождается война, а также за все обычные действия, поскольку совершены они по их повелению или совету или не встретили препятствий с их стороны, когда для этого имелась возможность. И полководцы ответственны за все совершенное под их командой; ответственны и все воины, участвовавшие в каком-нибудь совместном действии, например в сожжении города; в делах же, совершенных поодиночке, каждый ответственен за вред, виновником или среди виновников которого он был»².

В другом месте трактата Гроций пишет: «Если же какой-нибудь воин или кто-нибудь иной даже в справедливой войне подожжет неприятельские здания, опустошит поля и такого рода действиями причинит убытки не в силу приказа и когда это не вызвано никакой необходимостью и отсутствует для этого необходимая причина, то соответствующее лицо обязано возместить ущерб»³.

Приведенные положения достаточно ясно говорят о том, что Г. Гроций очень четко определял преступные действия, совершаемые во время войны как индивидами, так и группой лиц, и считал, что они должны нести персональную ответственность. Однако он полагал, что это должна быть гражданская, а не уголовно-правовая ответственность. Но этот вывод, обусловленный своей эпохой, не умаляет прогрессивного значения идеи Г. Гроция: за совершение преступлений во время войны конкретные исполнители этих преступлений должны нести индивидуальную ответственность.

¹ Кутиков В. Наказательна та отговорност на индивида междудържавната среда // СУЮФ. Т. 42. 1946-1947. С. 4–5.

² Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. М., 1956. Кн. 3. Гл. 1, п. 4. С. 689.

³ Там же. Гл. 17, п. 6. С. 759.

Исследованию вопросов ответственности государств и индивидов за нарушение обычаев войны и норм гуманности большое внимание уделялось в работах как русских⁴, так и зарубежных юристов-международников конца XIX – начала XX века.

Профессор Петербургского университета Н.М. Коркунов в статье «Опыт конструкции международного уголовного права» (1889 г.) одним из первых предпринял попытку изучить эти вопросы. В курсе лекций он писал: «...уголовное международное право..., международные облегчения участи раненых и больных воинов и целый ряд подобных вопросов имеет живое практическое значение именно как вопрос права»⁵.

Как прогрессивные для своего времени следует отметить многие идеи профессора Московского университета Л.А. Камаровского. Особое внимание, по нашему мнению, заслуживает следующая мысль, глубоко гуманная по своему содержанию: «Международное право простирается и на отдельных лиц. Человек как таковой должен пользоваться международной охраной»⁶. Однако, отдавая дань своему времени, Л.А. Камаровский определяет войну как «внешний способ охраны международного права». Но война, по его мнению, есть отношение государства к государству, а не человека к человеку в отдельности. Частные лица как таковые не враги между собой. Они враги лишь постольку, поскольку действуют как воины⁷. Война, по убеждению Л.А. Камаровского, ведется против неприятельского государства и его военных сил, а не против его мирного населения и его имущества. Характеризуя право войны, он дает перечень запрещенных средств войны⁸.

Большой интерес представляет также высказывание другого известного русского юриста П.Е. Казанского, касающееся необходимости согласования права внутригосударственного с постановлениями международного права, и безусловного выполнения этих положений. «Международное право – пишет он, – должно быть выполняемо; находится или не находится с ним в согласии внутреннее право страны с международно-правовой точки зрения – безразлично»⁹. Отсюда, по нашему

⁴ См.: *Левин Д.Б.* Наука международного права в России в конце XIX – начале XX в. М., 1982.

⁵ Коркунов Н.М. Международное право. М., 1886. С. 6.

⁶ Камаровский Л.А. Международное право. М., 1900. С. 4.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Там же. С. 5–60.

⁹ Казанский П.Е. Введение в курс международного права. Одесса, 1901. С. 264.

мнению, можно сделать вывод о том, что П.Е. Казанский считал, что за международное правонарушение должна наступать ответственность и в том случае, когда во внутригосударственном праве отсутствует указание на запрещенность и наказуемость такого деяния. В этом случае ответственность наступает по нормам международного права.

Значительный вклад в разработку вопросов ответственности вообще и международной уголовной ответственности физических лиц в частности внес русский ученый М.Н. Капустин. Относя к объекту, охраняемому международным правом, справедливость в международных отношениях, в качестве побудительной причины посягательств на этот объект он называет «мысль о господстве над другими, о национальной исключительности»¹⁰.

Поскольку война международным правом того периода определялась в качестве допустимого средства решения международных споров, М.Н. Капустин большое внимание уделял рассмотрению права войны. К обычаям, выражающим взаимное уважение воюющих друг к другу и нравственное начало человеколюбия, он относит перемирие после сражения для погребения убитых и оказания помощи раненым; пощаду безоружным, женщинам и детям; сохранение по возможности памятников народной религии и искусства; пленные как лица, исполнявшие свой долг, пользуются уважением и получают содержание; особая забота полагается и раненым; предметы, которые имеют назначением развитие науки и искусства, должны пользоваться пощадою.

Определяя противоправность военной добычи, М.Н. Капустин пишет: «Военная добыча лишена всякого юридического основания и тождественна с грабежом»¹¹. Трудно переоценить, даже рассматривая данную проблему с точки зрения наших дней, вывод М.Н. Капустина о возможности существования международной уголовной ответственности индивидов за международные преступления, хотя он и оговаривался, что «одинаковость наказания за них на тот момент (к 1873 г.) еще юридически не выработалась»¹².

Общую тенденцию в науке международного права, одним из направлений которой стало стремление и формулирование противоправных деяний, влекущих наступление ответственности, выразил профессор Брюссельского университета А. Ривье. Он писал: «Одно-

¹⁰ Капустин М.Н. Международное право. Ярославль, 1873. С. 53, 54.

¹¹ Там же. С. 60.

¹² Там же. С. 75, 76.

стороннее насилие не есть война, но международное преступление, если это не предусмотренная международным правом принудительная мера»¹³. Рассматривая разрешенные (дозволенные) и неразрешенные средства наносить вред неприятелю, А. Ривье в качестве критерия противоправности таких средств определяет, что «всякий вред, направленный к цели военного ослабления неприятельского государства и переходящий ее границы, не может быть оправдан»¹⁴. Близкую к этой позицию занимает и И. Блюнчли¹⁵.

Таким образом, оба автора в своих работах предприняли попытки сформулировать и обосновать недопустимость войны, преступность нарушения законов и обычаев войны.

Дальше них в своих рассуждениях пошел профессор Берлинского университета Ф. Лист. Определяя войну как международно-правовые отношения, как самое крайнее средство для решения международных споров, он определяет, что «субъектами войны» могут быть только суверенные государства, но субъектом деликта против международного права, то есть международного преступления, он называет «отдельное лицо»¹⁶. Ф. Лист дает перечень запрещенных средств войны, за использование которых может наступать ответственность и для отдельных лиц. К таким средствам он относит употребление яда или отравленного оружия; вероломное убийство или ранение лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля; убийство или ранение неприятеля, который, положив оружие или не имея средств защиты, безусловно сдается (плен является только арестом, с пощадой жизни, здоровья и имущества военнопленных); объявление, что никому не будет дано пощады; употребление оружия, снарядов или веществ, способных причинить излишние страдания; разрушение или захват неприятельской собственности, кроме случаев, где это настоятельно вызывается военной необходимостью¹⁷.

Профессор Берлинского университета А. Гефтер в работе «Европейское международное право» специальный раздел посвятил праву войны. Он писал: «Требования человечности не допускают употребления таких разрушительных средств, которые разом и механически

¹³ Ривье А. Учебник международного права. М., 1893. С. 245.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Блюнчли И. Современное международное право. М., 1876. С. 38–39, 306–340.

¹⁶ Лист Ф. Международное право. Юрьев, 1917. С. 193.

¹⁷ Там же. С. 403.

истребляют целые массы народа, низводя человека до положения неодушевленной вещи»¹⁸. Как нарушение международного права А. Гефтер определяет всякое действительное и безусловное отрицание прав людей и народов. Такое нарушение является оскорблением всех государств, подчиняющихся одинаковым нравственным законам, и вызывает общие условия к их подавлению¹⁹. В этом определении А. Гефтера содержится, на наш взгляд, указание на объект посягательства международного преступления – «права людей и народов, законы нравственности, честь всех государств»; определяется противоправность таких деяний – «нарушение международного права» и говорится об их наказуемости – «общие усилия к их подавлению». Он дает перечень запрещенных средств ведения войны, к которым относит употребление отравленного оружия, оружия, причиняющего чрезмерные страдания или тяжкие раны (например, разрывные пули). «Всеми осуждается, – пишет А. Гефтер, – умерщвление лиц, которые не сопротивляются и неспособны к сопротивлению. Законы войны запрещают бессмысленное, не вызванное военной необходимостью опустошение неприятельских территорий»²⁰. Далее А. Гефтер делает весьма важный вывод о том, что «лица, виновные в нарушении законов войны и уголовных законов, охраняющих личную и имущественную неприкосновенность, могут быть судимы как общим судом страны, так и полевым судом неприятеля»²¹, то есть речь идет о персональной уголовной ответственности за международные преступления. Эта международная ответственность могла быть осуществлена в двух формах подсудности: национальным судом принадлежности виновного лица или военным трибуналом потерпевшего государства.

Отсутствие указания на возможность создания международного военного трибунала вполне объяснимо и понятно: все перечисленные выше суждения и выводы были сделаны в конце XIX века, когда разработка вопросов международной уголовной ответственности индивидов находилась лишь на начальном этапе научного исследования, которое опиралось только на некоторые международные акты. Юристы-международники стремились обосновать необходимость дальнейшей гуманизации сферы вооруженной борьбы, но для подтверждения

¹⁸ Гефтер А. Европейское международное право. Сб-т, 1880. С. 239–240.

¹⁹ Там же. С. 201.

²⁰ Гефтер А. Указ. соч. С. 238–241.

²¹ Гефтер А. Указ. соч. С. 235.

своих выводов они могли использовать очень незначительное число международно-правовых документов. Таких, например, как Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль (1868 г.), Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (1864 г.), которая была расширена и дополнена в 1906 г.; Гагская декларация о неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушливые газы, и о неупотреблении легко разворачивающихся или сплюсчивающихся пуль (1899 г.); Гагские конвенции о законах и обычаях войны (1907 г.)²².

Установления этих актов сводились к следующему: население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания; «целью их было стремление остановить потребности войны перед требованиями человеколюбия»²³.

Но ни международно-правовые акты, ни научная доктрина того периода не смогли подняться до осознания необходимости полного запрещения международных преступлений, и в первую очередь наиболее опасного из них – агрессивной войны. Не смогли они встать и на позицию, в соответствии с которой международная уголовная ответственность за нарушение норм гуманитарного права должна бы быть возложена на конкретных организаторов и исполнителей международных преступлений. В соответствии с этим и происходило становление соответствующих норм международного права этого исторического периода, но без них не было бы активного развития норм международного гуманитарного права в период между двумя мировыми войнами.

²² См.: Международное право в документах. М., 1982. С. 803.

²³ Международное право в избранных документах. М., 1957. Т. 3. С. 37–41.

War Crimes in the International Humanitarian Law

(Summary)

*Sergei I. Krasov**

The institute of international criminal liability of individuals has undergone a long and complicated process of elaboration. Initially the efforts in this sphere were concentrated only in scientific works of international law scholars who found that war was an acceptable way of solving international disputes. The most important question in the doctrine of international criminal liability was the issue of personal liability of individuals who committed war crimes.

In the article the author points out the tendencies and provides an in-depth analysis of the history of elaboration of the institute of international criminal liability on the basis of numerous works of major scholars in this field starting with Hugo Grocius. Primarily the author focuses on the period of the XIX century and states that neither international legal acts nor international law doctrine of the period could not rise up to the fact of necessity of abolishing international war crimes and first of all of abolishing aggressive war. But without these efforts the active elaboration of the norms of international humanitarian law in the period between the world wars would not have been possible.

* Sergei I. Krasov – Ph.D. in Law, Samara State University.